

Мумин Каноат

РАНЕННЫЕ КНИГИ

Героическому Ленинграду, где
в тяжелые блокадные дни печатались
учебники для таджикских детей,
и моему первому учителю,
защищавшему город Ленина,
посвящаю

1

От криков, от игры веселой,
От топота ребячьих ног
Не только стены сельской школы –
Качался даже потолок.
Звонок запаздывал немного.
И, словно стая вольных птиц,
Мы веселились у порога,
И счастьем не было границ.
Но радость сразу оборвалась,
Когда, печальна и бледна,
Учительница показалась
На тропке...
Шла она одна...
Поникшая... С улыбкой горькой...

И словно льдом сковало нас.
Застыли мы. Следили только
За нею двести темных глаз.
Вот подошла, на нас не глядя...
Прошла не в класс, а в школьный зал...
Лед тронулся...
Мы молча сзади
Шли, словно крылья кто связал.
Расселись. Но она стояла.
И, будто бы не нам одним,
Бесцветным голосом сказала:
– На фронт ушел наш муаллим!¹
Я за него должна остаться.
Одна учить я стану вас.
Здесь будут вместе заниматься
И первый и четвертый класс... –
И девочки, глотая слезы,
С собой не в силах совладать,
Платки, лежащие на косах,
Кусали, чтоб не зарыдать.
А мальчики –
Реветь ребятам
Мужская гордость не дает! –
Застыли, словно соколята,
Которым запрещен полет.

---

¹ Муаллим – учитель.

И школьный час тот
Вечность длился,
Пока задумчивый звонок
Не возвестил, что завершился
Мой первый жизненный урок.

II

Утром в классах доски сняли
И поставили их в зале.
В четырех тех классах двери
Заперли, открыв одну.
И на белой стенке сцены
Лики досок засверкали,
Черным символом печали
Обжигая белизну.
На одной доске – начала.
Первый класс. Азы науки.
Здесь старательные руки
Выводили букву «А».
К опоясанной той букве,
По одной, ее подруги
Подходили неумело,
Но не строились в слова.
Я же мог соединить их
И в слова, и в предложенья.
Буквы, словно для сраженья,

Строил я за взводом взвод,
Вспоминая, как склонялся
С добрым, мудрым выраженьем
Над тетрадами моими
Самый первый мой устод¹.
А учительница птицей
Облетала зал просторный.
На одной из досок черных –
Рисовала букву «А»,
У другой – вела беседу
О капризах речек горных,
А у третьей – проверяла:
«Сколько будет дважды два?!»
И все время улыбалась,
Хоть душа тоской сжималась,
За урок – повсюду в мире
Успевала побывать.
И, за ней следя, я понял:
Как бы жизнь ни изменялась,
Дважды два – всегда четыре,
А не восемь и не пять!

III

Над вершинами гор
И вершинами горя,
Туда, за предел,

---

¹ Устод – учитель.

В это утро мелодией жизни
Звонок полетел.
Сытых вздохами только одними,
Он звал без затей
Сотню полуголодных
И полуодетых детей.
Но сегодня в их сумрачном классе
Рассеялась мгла, –
В зал учительница,
Как луна в полнолуние, вошла.
Что за диво?!
Своим не могли мы поверить глазам
Был букетик райхана¹
Приколот к ее волосам.
На груди – нитка алых кораллов
Горела дугой.
А в руках – треугольник письма,
Как ларец дорогой.
В стороне – и тетради, и циркуль!
Урок позабыт!
Был у нас на глазах
Тот ларец драгоценный открыт.
Открывала его муаллима

---

¹ Райхан – душистая трава.

² Шахнаме – игра слов. Буквально – царь-письмо. И одновременно – знаменитая поэма Фирдоуси.

С волнением, как «Шах-наме»².
«Дорогая, родная Давлят³! –
Говорилось в письме.–
Ты сейчас далека,
Но по-прежнему сердцу близка.
Лишь луна мне лицо твое
Напоминает слегка.
Но сквозь тысячи верст,
Сквозь блокаду, сквозь пламя и дым
Твои косы навек
Мое сердце связали с твоим.
Потому – я солдатом любви
Называю себя.
Потому – в битву с ненавистью
Выхожу я, любя.
Потому – ради жизни
В глаза черной смерти гляжу.
Потому – от тебя
Каждой весточкой я дорожу.
И сейчас я – в завьюженном поле
На белом снегу –
Все расстаться никак
С письмецом дорогим не могу.

³ Давлят – игра слов. Буквально – богатство. Одновременно – женское имя.

И опять предо мной
Возникает твой облик родной.
Сотня милых ребят
За твоею теснится спиной.
Соколята мои!
Вы – крылатая радость моя!
Среди грома войны
Мирный шум ваш опять слышу я.
И опять жду хороших и добрых
От вас новостей.
А пока – мы непрошенных
Грозно встречаем гостей!
Позади – город Ленина,
Бешеный враг – впереди.
Значит, стой до конца!
До последнего вздоха в груди!
Вновь свинцовый свистит
Над окопами нашими град.
Я целую не брови твои,
А стальной автомат.
Враг все ближе.
И тихо прошу я у нашей любви:
«Вот сейчас
Я навстречу рванусь ему!..
Благослови!..»
.....
И вскочили мы с парт.

Но учительница, как во сне,
Нас не видя,
С устом душою была на войне.
А очнулась – и схлынули слезы,
Как дождь проливной,
Что из туч грозových
Низвергается щедро весной.
Так узнал я, что плачут и боги
В годину невзгод...

.....
Не звонок прозвенел –
Тишину разорвал пулемет.

IV

Тревогой боевой звонок
В то утро уши нам ожег.
И в школу мы
По тропке ввысь,
Как юные бойцы, неслись.
Весь день в нас дух солдатский жил,
На переменах что есть сил
Рубились саблями мы всласть
(Здесь палка – саблею звалась.
Она же – и конем была,
Когда в атаку нас несла!),
И защищал один отряд,
Как наш учитель, Ленинград.
И с неохотою большой

Был «фрицами» отряд другой.
Ведь мы сражались, как устод, –
И потому, несчастный тот,
Кто был фашистом в этот раз,
Прижав рукой подбитый глаз,
В одежде порванной,
В слезах,
Пытался спрятаться в горах
Под наше гордое: «Ура!..»
Кончалась только так игра!

* * *

Всю нашу детскую любовь,
Весь наш запас сердечных слов
И перьев наших мастерство –
Все,
Все вложили мы в него,
В письмо,
Где мысли ста ребят –
Как на халате сто заплат.
Писали мы:
«Салом, устод!..»¹
Ученье хорошо идет...
Вас вспоминает каждый класс...
Тетради – новые у нас...

---

¹ Здравствуйте, учитель!

² Зартег – название горы; дословно: «золотое лезвие».

А вот учебники – беда –
Совсем порвались...
Ждем, когда
Пришлете новые для нас...
А муаллима в прошлый раз,
Письмо от вас читая, вдруг
Забыв, что мы сидим вокруг
(Все это видели – да, да!),
При нас заплакала тогда!..»

.....
И, голубя нарисовав,
Что, в клюве письмецо зажав,
Летит куда-то, – мы под ним
Все расписались, как один!

V

На лезвии гор позолотой горя,
Внезапно взошла над Зартегом² заря.
И крик петуха, и звонка перезвон
Гижак³ом с тамбуром³ казались

сквозь сон.

По Пянджу плыла ледяная шуга.
И льдом обрастали его берега.
И птицы искали на крышах зерно.
Под крышами,

³ Гижак, тамбур – струнные музыкальные инструменты.

Там, где от дыма темно,
Искали и хлеб, и учебники мы
И в солнечный мир выбегали из тьмы.
А в школе нас добрая новость ждала.
Водой в пересохшую речку пришла
К нам весть: обещанье исполнил устод –
Учебников новеньких стопка нас ждет!
Над ними склонясь, мы забыли весь мир,
Листая, за миг обходили весь мир.
В них были военные ночи и дни,
И запах солдатский хранили они,
И пулями были прошиты насквозь
(Блокады кольцо разрывать им пришлось!),
И свежей лепешки в них был аромат...
Чудесный подарок прислал Ленинград!

* * *

Вошла учительница в зал.
И вверх рванулось сто детей.
Как будто тишину взорвал
Взлет стаи диких голубей.
Но стая опустилась вновь.
И тишина вернулась в класс.
И вновь вниманье и любовь
Не сводят с муаллимы глаз.
К доске, стоящей впереди,

Она прошла. Был светел взгляд.
Как птица, к худенькой груди
Учебник раненый прижат.
И нежный голос зазвучал,
Струной тамбура зазвенел.
И в плавном танце застучал,
Как каблучки, о доску мел.
И показалось – не война,
А тихий предвоенный год.
На этой сцене вновь она
Чорзарбу¹ в такт –
Плывет... плывет...
Летит... летит...
Кружит... кружит...
Почти крылатая уже...
И что-то светлое дрожит
В моей мальчишеской душе...
Но, в памяти нащупав щель,
Звонок чуть слышно прозвенел.
И вновь военную шинель
Мир окружающий надел.

* * *

Так мы учились. Все четыре класса
Сходясь под школьный благодатный кров.
Пусть не хватало хлеба нам и мяса,

---

¹ Чорзарб – классическая таджикская мелодия.

Но блюдо знаний – было до краев!
Мы отшагали за год путь немалый.
«Ученость» нашу стали почитать!
Уже могли мы женщинам усталым
Солдат отважных письма прочитать.
И уж не ради славы или хлеба
Мы вкладывали в чтение то себя,
От радостных вестей взлетая к небу,
От горестных – по-взрослому скорбя!

VI

Шла весна, блестели слезы
На тюльпанах от дождя.
Соловей рыдал над розой,
Песней душу бередя.
Но на мир смотрели строго
Мы, понявшие в тот год,
Что не людям
И не богу,
Соловей – себе поет!
Что полно забот помимо,
И важнее и сложнее.
Что походка муаллимы
Стала как-то тяжелей.
Цвет лица стал за полгода
И бледнее и желтей,
Потому что от устода
Нет полгода новостей.

И бледнее с каждым мигом
И грустней она была,
Словно раненая книга
Рану ей передала.
Словно ей весенней ранью, –
Расцветающей порой, –
Лишь сильнее тревожил рану
Аромат земли сырой...
И в такой вот день весенний,
Полный запахов земли,
К нам на школьные ступени
Двое медленно взошли.
Почтальон... И с ним военный...
– Неужели наш устод?!
Наш учитель?! –
Но мгновенно
Поняли – не он!.. Не тот!..
И морозной тишиною
Нас сковало, словно льдом.
И оборванной струною
Прозвучал ее: «Салом!»
Почтальон ей не ответил.
А военный молвил: «Здесь
Говорить не будем... Дети...
Выйдем... Сообщение есть!..»
И пошли по тропке к дому.
А потом донесся к нам

Леденящий, незнакомый
Муаллимы крик: «Карам!»
И с письмом в руках вбежала
В дом. И двери заперла.
И отчаянная жалость
Нас за плечи обняла...
.....
Возле дома мы кружили,
Как у лампы мотыльки.
Но светильник наш бессильно
Таял свечкой от тоски.
Все грустней лучились очи.
Все сильней теснилась грудь.
Лихорадка дни и ночи
Не давала ей уснуть.
Так воочию – не в сказке –
Увидать и мы могли,
Как печальна и прекрасна
Смерть Меджнуна и Лейли.
День за днем от злого жара
Тихо таяла она.
Стал дворец любви – мазаром¹,
Стала осенью – весна.
И однажды вышел, сгорбись,
Кто-то с черной вестью в сад...

Дети статуями скорби
У дверей стояли в ряд.
И сквозь вздохи и стенанья
(Что со мной случилось вдруг?!)
В дом вбежал я. И посланье
Взял из охладевших рук.
Похоронка обжигала.
И когда я вышел прочь,
В самый полдень вдруг настала
Черная, глухая ночь.
И земля халатом черным
В миг мне показалась тот.
И навис над краем горным
Черной чашей небосвод...
Я очнулся в нашей школе...
Колесом кружился зал.
От отчаянья и боли
Я письмо зубами рвал.
Будто насмерть я с проклятой
Смертью дрался...
А потом
Книгу раненую спрятал
На груди под пиджаком.
И молчанье расколосось.
И в душе дрожал слегка,

---

¹ Мазар – гробница.

Как учительницы голос,
Звон последнего звонка.

VII

В память о днях, что давно пролетели,
Но днях не забытых,
В память о письмах любви,
Непрочитанных и нераскрытых,
В память погибших сердец,
Что штыком или пулей пробиты,
В память живущих сердец,
Что в войну еще были убиты,
В память обоих устодов,
Что жили и умерли вместе,
В память тех раненых книг,
Чей приход в наш кишлак был чудесен,
Я, как посев, начинаю
О прошлом и будущем песню, –
Зернам ее благодатным
В звенящей душе моей тесно!
– О Ленинград! Город Ленина!
Город отважных героев!
Сколько бессмертных солдат
Под кладбищенской дремлют травой!
Сколько мужчин, сколько женщин отважных,
Рожденных тобою,
Шли сквозь блокадные дни
С гордо поднятою головою!

Это они через ветер свинцовый,
В мороз и метели
«Жизни дорогу» пробили,
Хоть жизни своей не жалели.
Это они, что порою
Неделями хлеба не ели,
Знания хлеб для таджикских детей
В горы выслать сумели.
О ленинградцы!.. Мы помним,
Хоть дни и года быстротечны,
Как же вы были
Душою и сердцем сильны бесконечно!
Как же вы были
Добры, благородны, сердечны!..
Верьте и знайте:
Вы в памяти – вечны!
Вы в памяти – вечны!

1969